

## ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И КОЛЛИЗИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

М.Г. Фролов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

В статье в сравнительном аспекте исследованы концептуальные подходы отечественных и зарубежных законодателей к пониманию механизма совершения преступлений с двумя формами вины и конструированию правовых норм, регламентирующих ответственность за умышленные преступные деяния, влекущие по неосторожности тяжкие последствия. Целью исследования является выявление особенностей теоретического обоснования феномена двух форм вины в отечественном и зарубежном уголовном праве. На достижение поставленной цели направлено решение двух взаимосвязанных научно-теоретических задач: изучение концепта «сложная форма вины» в законодательстве стран СНГ и анализ подходов к конструированию составов умышленных преступлений с неосторожными последствиями. В ходе исследования использованы сравнительно-правовой и формально-логические методы. На основе анализа уголовных законодательств РФ и стран ближнего зарубежья выявлены сходства и различия в теоретическом обосновании преступлений с двумя формами вины в уголовном праве и особенности законодательной регламентации составов умышленных преступлений, квалифицирующие признаки которых включают тяжкие последствия, наступающие по неосторожности. Представлено авторское видение соотношения объективных и субъективных признаков в преступлениях, совершаемых с двумя формами вины.

**Ключевые слова:** преступление, форма вины, умысел, неосторожность, последствия преступления, уголовная ответственность.

Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) содержит более сорока статей, предусматривающих ответственность за совершение преступления с двумя формами вины. Наибольшее число из них находится в разделах VII «Преступления против личности» (28 %) и IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (71 %). Субъективная сторона квалифицированных составов этих преступлений характеризуется одновременно двумя формами вины: умышленной – в отношении самого деяния, и неосторожной – в отношении наступивших последствий. При квалификации преступлений, совершенных с двумя формами вины, применяется правило, закрепленное в ст. 27 Общей части УК РФ. Согласно этой норме такое преступление в целом признается совершенным умышленно [1]. Однако в теории и практике Российского уголовного права не сформировался

единый подход к решению проблемы отграничения состава преступления с двумя формами вины от состава, субъективная сторона которого характеризуется умышленной виной. В многочисленных работах, посвященных теоретическому обоснованию деяния с двумя формами вины [11–15], встречается разное толкование этого феномена.

Отечественным законодателем использованы различные принципы к построению составов преступлений, включающих нормы с двумя формами вины. В большинстве из них основной состав предусматривает совершение умышленного деяния, а в частях, содержащих квалифицированные и особо квалифицированные признаки, предусматривается наступление тяжких последствий по неосторожности (вред здоровью, смерть одного или нескольких человек и др.). Однако не каждое умышленное деяние, приводящее к неосторожным тяжким последствиям, может признаваться преступлением с двумя формами вины, в частности в случаях, когда такое деяние при отсутствии тяжких последствий является административно наказуемым правонарушением (ст. 263, 264, 349–352 и др.). В соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ такие деяния относятся к неосторожным преступлениям, на что указывается непосредственно в диспозиции соответствующей статьи Особенной части.

В отдельных случаях законодатель указывает на умышленную форму вины в основном составе, используя в диспозиции лексику «заведомо» (например, ч. 1 ст. 217.2 УК РФ и др.), тем самым ориентируя правоприменителя на наличие двух форм вины в квалифицированных (особо квалифицированных) составах, предусматривающих наступление тяжких последствий по неосторожности.

В ряде случаев законодатель не дает указание на форму вины в основном составе преступления, а в квалифицированных и особо квалифицированных составах указывает на наличие тяжких последствий, наступающих по неосторожности (ст. 215, 217, 250–252, 254 и др.). В таких составах, как справедливо отмечает Т.И. Похлеба, может иметь место как преступление с двумя формами вины, так и неосторожное преступление [16, с. 178].

В ряде случаев доказать или исключить наличие двух форм вины достаточно непросто. Например, при квалификации деяния по ч. 4 ст. 111 УК РФ, предусматривающей ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, возникают проблемы с отграничением его от умышленного причинения смерти (убийства). Несомненно, что для разграничения составов убийства и тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, необходимо учитывать не только субъективную сторону преступления (направленность умысла), но и особенности объективной стороны преступления, которые исключают умысел на причинение смерти. В

основу такого разграничения должны быть положены выводы, вытекающие из анализа локализации телесных повреждений, способа их нанесения, используемого оружия (предметов, используемых в качестве оружия) с учетом элементов субъективной стороны, установленных в процессе расследования. Например, при установлении факта причинения тяжкого вреда здоровью по найму (п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ) можно полагать, что у злоумышленника не было умысла на совершение убийства. В то же время, если субъектом выбран общеопасный способ причинения тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 111 УК РФ), то исключить косвенный умысел к наступлению смерти не представляется возможным, в связи с чем встречающиеся на практике случаи квалификации деяния, совершенного общеопасным способом, по ч. 4 ст. 111 УК РФ выглядят несостоятельно. Выбранный субъектом общеопасный способ причинения тяжкого вреда здоровью представляет угрозу для жизни человека непосредственно в момент совершения деяния и при обычном развитии причинно-следственных связей приводит к смертельному исходу.

Анализ правотворческого опыта стран СНГ показал, что для исключения подобных коллизий в правоприменении аналогичные статьи, предусматривающие ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 104 УК Республики Узбекистан [7] и ст. 151 УК Республики Молдова [4]) не содержат в особо квалифицированных составах (п. «д» ч. 3 ст. 104 и ч. 4 ст. 151) указания на конкретную форму вины в отношении смертельного исхода.

Заметим, что используемая отечественным законодателем конструкция составов преступлений с двумя формами вины предполагает, что совершаемое умышленно деяние должно быть оконченным составом. В противном случае, когда умысел был направлен на наступление тяжкого (особо тяжкого) последствия, которое возникает после совершения преступления вследствие развития комплекса причинно-следственных связей, квалификацию деяния по соответствующей части, предусматривающей наступление тяжкого последствия по неосторожности, нельзя признать правомерной.

А.И. Рарог, обосновывая феномен двух форм вины в преступном деянии, учитывает такой объективный признак, как наступление определенного последствия (в преступлениях с формальными составами) или более тяжкого последствия, чем в основном составе (в преступлениях с материальными составами) [17, с. 163]. По мнению автора, наступление тяжкого (более тяжкого) последствия может не являться следствием активных действий причинителя вреда, т. к. наступившее следствие представляется результатом действия комплекса факторов (действий субъекта и внешних обстоятельств, способных как демпфировать, так и катализировать наступление тяжких последствий). Действие внешних факторов, усугубляющих ситуацию (удаленность

нахождения жертвы от медицинских учреждений, нарушение нормальной деятельности экстренных служб в связи со стихийными бедствиями и пр.), охватываются неосторожной виной действующего лица (причинителя вреда). Анализируя подобные ситуации, К.О. Копшева и Е.В. Пономаренко не без основания отмечают, что в случаях, когда между деянием и наступлением последствий имеет место определенный промежуток времени, следует учитывать особенности процесса развития причинно-следственных связей в конкретной ситуации [14, с. 67].

Решение проблемы разграничения степени влияния на наступление тяжких последствий факторов, относящихся непосредственно к объективной стороне деяния, и иных факторов («привходящих», «сопутствующих»), способных оказать влияние на наступление тяжких последствий (например, связанных с действием лиц, пытающихся предотвратить наступление этих последствий – спасателей, медицинского персонала и пр.), на практике вызывает определенные трудности. В частности, действие таких факторов может как выступать препятствием наступлению тяжких последствий, так и способствовать их наступлению. В этой связи Н.А. Никитина справедливо замечает, что оценка единичного умышленного преступления, повлекшего тяжкие последствия по неосторожности, как совершенного с двумя формами вины, противоречит принципу субъективного вменения, т. к. в целом преступление признается умышленным. По ее мнению, такие ситуации надо рассматривать как совокупность умышленного и неосторожного деяний, что отвечает «общемировой тенденции гуманизации общества» [15, с. 10]. Нельзя не согласиться и с утверждением автора о том, что положения ст. 27 УК РФ, допускающие возможность соучастия в преступлениях с двумя формами вины, вступают в противоречие с уголовно-правовой теорией, отрицающей возможность соучастия в неосторожных преступлениях.

Понятие преступлений с двумя формами вины («двойной виной», «сложной виной», «смешанной виной») традиционно закрепляется в общей части уголовных кодексов стран СНГ (ст. 27 УК РФ, ст. 19 УК Республики Молдова, ст. 23 УК Республики Узбекистан, ст. 30 УК Республики Таджикистан, ст. 26 УК Республики Туркменистан, ст. 25 УК Республики Беларусь, ст. 22 УК Республики Казахстан). В общей части УК Республики Армения [6] нет отдельной статьи, содержащей дефиницию преступления с двумя формами вины, однако в соответствии с ч. 9 ст. 25 «Преступление, совершенное умышленно» подобные деяния в целом следует считать умышленными. Общие части уголовных кодексов отдельных стран СНГ (Азербайджана [10], Киргизии [9]) не закрепляют понятие двух форм вины, однако при конструировании особо квалифицированных составов умышленных преступлений широко

применяется концепт «наступление тяжкого (особо тяжкого) последствия по неосторожности».

Определенное смешение подходов к конструированию квалифицированных составов преступлений, предусматривающих ответственность за неосторожное причинение более тяжких, чем в основном составе последствий, не охватывающихся умыслом виновного, характерно для уголовных законодательств Республики Киргизия и Республики Армения. В частности, особо квалифицированный состав п. 1 ч. 3 ст. 130 («Причинения тяжкого вреда здоровью») в УК Республики Киргизия предусматривает наступление смерти потерпевшего по неосторожности, в том числе в результате самоубийства последнего. Таким образом, самоубийство потерпевшего относится к неосторожным последствиям. Особо квалифицированная норма аналогичного состава преступления в УК Республики Армения (п. 17 ч. 3 ст. 166) регламентирует наступление «смерти по неосторожности от преступления». Таким образом, законодатель ограничивает неосторожные последствия преступного деяния от наложения результата действия внешних факторов («привходящих сил»).

Отмеченные особенности уголовных законодательств стран СНГ в части конструирования особо квалифицированных составов преступлений, предусматривающих ответственность за наступление более тяжкого, чем в основном составе, последствия, обусловлены использованием в национальном праве различных теоретических подходов к обоснованию процесса детерминации преступного поведения: традиционно-диалектического, характерного для уголовных законодательств большинства стран СНГ, и традиционного, используемого в УК Республики Молдова и УК Республики Узбекистан. В частности, особо квалифицированные составы причинения тяжкого вреда здоровью в уголовных кодексах этих стран не конкретизируют форму вины по отношению к наступлению особо тяжкого последствия (смерти потерпевшего).

Определенный интерес представляет конструкция особо квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ («Террористический акт») и ст. 281 УК РФ («Диверсия»), объективная сторона которых представлена активными действиями, создающими опасность гибели людей (взрыв, поджог и т. п.). В ч. 2 ст. 205 УК РФ (до внесенных изменений ФЗ от 28.04.2023 г. № 157-ФЗ) предусматривались последствия в виде смерти человека, наступившей по неосторожности в результате совершения террористического акта, а в п. «б» ч. 3 этой же статьи устанавливалась ответственность за умышленное причинение смерти. В действующей редакции в п. «б» ч. 3 ст. 205 просматривается отход законодателя от принципа разграничения ответственности в зависимости от формы вины. Таким образом, и при наличии у субъекта умысла на причинение смерти потерпевшему, и в

ситуации с двумя формами вины предусматривается ответственность в рамках единой санкции. Этим же законом внесена коррекция в ч. 3 ст. 281, п. «б» которой в настоящее время не конкретизирует форму вины при наступлении смертельного исхода.

Анализ аналогичных статей, предусматривающих ответственность за совершение террористического акта и диверсии в уголовных кодексах стран СНГ, свидетельствует о несхожести подходов законодателей к регламентации ответственности за наступление особо тяжких последствий в виде смерти человека (гибели людей). В уголовных кодексах Республики Азербайджан (ч. 2.4 ст. 214), Республики Таджикистан (п. «г» ч. 3 ст. 179), Республики Казахстан (п. «2» ч. 3 ст. 255), Республики Молдова (п. «б» ч. 3 ст. 278) предусматривается ответственность за наступление в результате террористического акта смерти по неосторожности. Причем, в УК Республики Молдова и УК Республики Казахстан наступление смертельного исхода отнесено к особо квалифицированным составам (ч. 4 ст. 278 и ч. 4 ст. 255, соответственно) и является следствием умышленного убийства, совершенного в террористических целях. В уголовных кодексах Республики Туркменистан (п. «б» ст. 293) и Республики Беларусь (ч. 3 ст. 289) особо квалифицированные составы предусматривают наступление смерти человека (гибели людей) в результате умышленного действия. В УК Республики Узбекистан (п. «а» ч. 3 ст. 155) законодатель не определяет форму вины в отношении смерти человека, но из анализа диспозиций частей 1 и 2 данной статьи вытекает, что деяние совершается умышленно. В уголовных кодексах Республики Армения (ч. 1 ст. 308) и Республики Киргизия (ч. 3 ст. 252) к наиболее тяжким последствиям относятся угроза жизни или опасность гибели людей.

Анализ конструкции статей уголовных кодексов стран СНГ, регламентирующих ответственность за совершение диверсии, показывает, что в законодательстве Республики Молдова (ст. 343), Республики Узбекистан (ст. 161), Республики Армения (ст. 425), Республики Киргизия (ст. 325) и Республики Казахстан (ст. 184) нет квалифицированных составов, в связи с чем наступление последствий (в том числе тяжких и особо тяжких) охватывается умыслом виновного. В уголовных кодексах Республики Азербайджан (ст. 282) и Республики Таджикистан (ст. 309) присутствуют квалифицированные составы диверсии, но их конструкция включает сугубо формальные признаки (совершения деяния организованной группой, повторно). Уголовные кодексы Республики Беларусь (ч. 2 ст. 360) и Республики Туркменистан (ч. 3 ст. 182) предусматривают ответственность за смерть человека (гибель людей) в качестве квалифицирующего признака, но исключают неосторожную форму вины по отношению к данным последствиям. Таким образом, из всех стран СНГ только УК РФ предусматривает возможность реализации двух форм вины (ч. 3 ст. 281). Заметим, что до

внесения изменений в уголовное законодательство РФ Федеральным законом от 9.05.2023 г. № 157-ФЗ [2] данная норма предусматривала ответственность исключительно в случаях умышленного причинения смерти.

Таким образом, исходя из проведенного сравнительного анализа уголовно-правовых норм стран СНГ, можно сделать вывод, что в настоящее время в законодательной практике наметилась тенденция к отходу от принципа использования концепта двух форм вины при конструировании квалифицированных составов умышленных преступлений с тяжкими (особо тяжкими) последствиями. Эта тенденция отчетливо просматривается в составах преступлений, совершаемых общеопасным способом (взрыв, поджог и т. п.), который предполагает высокую вероятность наличия косвенного умысла (отсутствие желания наступления особо тяжких последствий, но сознательное допущение их наступления или безразличное к ним отношение). Из этого следует, что совокупность преступлений возможна лишь в случае установления (доказанности) прямого умысла к наступлению тяжкого (особо тяжкого) последствия.

Уголовно-правовая норма «причинение тяжкого вреда, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего», в большинстве уголовных кодексов стран СНГ содержит две формы вины. Однако подобная конструкция особо квалифицированного состава вызывает многочисленные коллизии в практике правоприменения. В этой связи, исходя из вышеизложенного и с учетом опыта законотворчества Молдовы (ч. 4 ст. 151) и Узбекистана (п. «д» ч. 3 ст. 104), нам представляется, что субъективная сторона ч. 4 ст. 111 УК РФ должна включать как косвенный умысел, так и неосторожность по отношению к смерти потерпевшего. Соответственно, диспозиция ч. 4 ст. 111 УК РФ может выглядеть следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие смерть потерпевшего».

#### **Список литературы**

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2022. 272 с.
2. Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280051> (дата обращения: 03.12.2023).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: [https://continent-online.com/Document/?doc\\_id=30394923](https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923) (дата обращения: 30.11.2023).

5. Уголовный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=31295286](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286) (дата обращения: 30.11.2023).

6. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 30.11.2023).

7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 30.11.2023).

8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj197648.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

9. Уголовный кодекс Киргизской Республики [Электронный ресурс]. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=36675065](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065) (дата обращения: 30.11.2023).

10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: [https://continent-online.com/Document/?doc\\_id=30420353](https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353) (дата обращения: 30.11.2023).

11. Алиева С.Ю. Субъективное содержание преступлений с двумя формами вины: проблемы квалификации // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 1А. С. 345–351.

12. Бикеев И.И., Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершённые с двумя формами вины. Казань, 2009. 228 с.

13. Ведищев А.В. Отдельные вопросы уголовной ответственности за преступления с двумя формами вины // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 163–167.

14. Копшева К.О., Пономаренко Е.В. Проблемные аспекты преступлений, совершенных с двойной формой вины, с учетом соблюдения принципа справедливости // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 66–70.

15. Никитина Н. А. Преступления с двумя формами вины: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2011. 185 с.

16. Похлеба Т.И. Техника конструирования составов нарушения правил безопасности при ведении работ: ст. 143, 216, 217 УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2013. 225 с.

17. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1987. 187 с.

*Об авторе:*

ФРОЛОВ Михаил Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент Смоленского государственного университета (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4), SPIN-код: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: [michailfroloff@mail.ru](mailto:michailfroloff@mail.ru)

## CRIMES WITH TWO FORMS OF GUILT: CONCEPTUAL APPROACHES AND CONFLICTS OF LAW ENFORCEMENT

M.G. Frolov

Smolensk State University, Smolensk

The article, in a comparative aspect, examines the conceptual approaches of domestic and foreign legislators to understanding the action of the psychological mechanism in crimes committed with two forms of guilt, and to the construction of legal norms regulating responsibility for intentional criminal acts that negligently entail grave consequences. The purpose of the study is to identify the features of the theoretical substantiation of the phenomenon of two forms of guilt in domestic and foreign criminal law. The solution to two interrelated scientific and theoretical problems is aimed at achieving this goal - studying the concept of “complex form of guilt” in the legislation of the CIS countries and analyzing approaches to constructing elements of intentional crimes with careless consequences. During the study, comparative legal and formal logical methods were used. Based on the analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and neighboring countries, similarities and differences have been identified in the theoretical justification of crimes with two forms of guilt in criminal law and features of the legislative regulation of intentional crimes, the qualifying features of which include grave consequences resulting from negligence. The author's vision of the relationship between objective and subjective characteristics in crimes committed with two forms of guilt is presented.

**Keywords:** *crime, form of guilt, intent, negligence, consequences of a crime, criminal liability.*

### *About author:*

FROLOV Mikhail – PhD in Law, Docent, Associate Professor of Smolensk State University (4 Przhevalsky St., Smolensk, 214000), SPIN-code: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Фролов М.Г. Преступления с двумя формами вины: концептуальные подходы и коллизии правоприменения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 60–68.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.